Экономические реформы и революция

Введение

1. Путь из коммунизма

Путь России из коммунистической системы, из коммунистического XX столетия еще долго будет оставаться предметом теоретических дискуссий и политических битв. Что предопределило саму неизбежность резкого разрыва с коммунистическим прошлым? Каковы были ошибки и достижения на этом пути? Каких опасностей удалось избежать и, напротив, почему случилось многое из того, что случилось?

Отвечать на эти вопросы непросто уже в силу их чрезвычайной политизации. Из многочисленных вариантов экономической политики на практике реализуется только один, и сторонники всех оставшихся нереализованными альтернатив становятся участниками острых дискуссий о том, что "иное было бы лучше". Обсуждение этого интересного вопроса ведется в отечественной экономической литературе уже не первый год. Однако, как нам представляется, в начале анализа (а несмотря на накопленный опыт мы находимся все еще в начале) необходимо раскрыть причины именно **данного** развития событий.

Конечно, самым простым объяснением здесь является ссылка на исключительную мудрость (или, напротив, исключительную глупость) находящихся у власти правителей. Рассуждения типа "Горбачев не смог", "Ельцин не понял", "Гайдар недооценил", "Чубайс обманул" мало чем отличаются по сути своей от сентенций "Горбачев смог начать реформы ", "Ельцин защитил демократию", "Гайдар спас от голода", "Чубайс победил коммунизм". Такого рода подход является верным признаком отказа от попытки серьезного анализа проблем посткоммунистической трансформации.

Более значим сравнительный анализ опыта посткоммунистического перехода, осуществляемого почти тремя десятками стран Европы и Азии. Однако какой опыт здесь уместен? И до каких пределов приме-

нимы методы компаративистики по отношению к посткоммунистическим преобразованиям? На протяжении последнего десятилетия на эту тему также было немало дискуссий, суть которых так или иначе сводилась к противопоставлению польской и китайской моделей. Однако и здесь не удавалось четко сформулировать, в чем же состоит особенность именно российского пути и, соответственно, какова допустимая степень использования опыта других стран - если не для выработки конкретного плана действий, то хотя бы для оценки возможных альтернатив и результатов.

По нашему мнению, принципиальной особенностью развития России последнего десятилетия является революционный характер осуществляемых здесь сдвигов. Этот вывод имеет в данном случае не политическое, а методологическое значение. Как свидетельствует исторический опыт революций, преобразования такого типа имеют ряд важных особенностей, без учета которых практически невозможно ни сформировать реальную картину преобразований, ни оценить возможные (а не просто желательные) альтернативы развития событий.

Движение России из коммунизма может быть рассмотрено сквозь призму ряда базовых особенностей, характерных для революционной трансформации как таковой. Причем, и это следует подчеркнуть особо, революционный характер перемен предопределяет не только их глубину и радикальность, но и наличие некоторых специфических закономерностей трансформации, специфику тренда развития социально-политических и экономических событий в эпоху революции.

2. Революция и государственная власть

Революция как определенный способ трансформации общественно-экономической системы характеризуется рядом признаков, среди которых главными являются следующие.

Во-первых, системный характер преобразований, их глубина и радикальность. Революционные изменения связаны всегда с глубокими изменениями в отношениях собственности, не говоря уже о серьезном обновлении социально-политической структуры общества. Однако не всякие системные изменения, имевшие место в истории отдельных стран, могут рассматриваться как революции. Сильное правительство

может осуществлять глубокие, радикальные преобразования, имеющие в перспективе несомненно революционные последствия, но остающиеся по сути своей реформой (иногда говорят "революция сверху"). Примерами здесь являются реставрация Мейдзи в Японии и реформы Бисмарка в Германии. Радикальные, системные изменения могут происходить и в результате поражений в войнах и иностранной оккупации (как это было, скажем, в Пруссии после наполеоновских войн или в Японии и Германии после второй мировой войны).

Впрочем, глубину преобразований, происходящих в ходе революции, не следует и переоценивать. Радикальными изменения представляются обычно лишь потомкам. Тогда как общество, выходящее из революции, представляется большинству современников скорее как пародия на старый режим, нежели как принципиально новое слово в развитии данной страны. Некоторые исследователи подчеркивают, что революция решает задачи, которые были бы решены и без нее, но делает это с гораздо большими издержками[1]. Что же касается такого критерия, как радикальность смены элит, то при детальном рассмотрении революций прошлого выясняется, что представления о радикальности этого процесса были сильно преувеличены в общественном сознании потомков[2].

Во-вторых, революционная трансформация обусловлена внутренними факторами развития той или иной страны. Она не может быть навязана извне. Это предопределяет определенную политическую и идеологическую среду революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). Поэтому национально-освободительные движения как правило не являются революциями - в них всегда имеется идейно-политический стержень, служащий важнейшим фактором объединения разрозненных сил нации. Хотя сказанное не отменяет того факта, что задачи нацио-

---

[1] Одним из первых это проанализировал А.Токвиль. (См.: Токвиль А. Старый Порядок и Революция. М.: Московский философский фонд, 1997). Более подробно эти вопросы рассмотрены в книге: Hirschman A.O. The Rethorics of Reaction: Perversity, Futility, Jeopardy. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1991.

[2] См., например: Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley: University of California Press, 1991. P. 296.

нального освобождения могут также решаться в рамках отдельных революций.

В-третьих, слабое государство. Революция характеризуется отсутствием сильной политической власти, способной консолидировать осуществление системных преобразований. Именно слабость власти предопределяет резкое усиление в революционном обществе стихийности социально-экономических процессов, с одной стороны, и появление по этой причине некоторых закономерностей революционной трансформации, с другой стороны[3].

Последний фактор является критически важным. На самом деле именно кризис и последующий за ним распад государственной власти делает практически неизбежным трансформацию общества по революционному (а не реформистскому) типу. Радикализм революционной ломки набирает силу и приобретает стихийный характер тогда, когда власть оказывается неспособна контролировать и направлять развитие событий. Причем можно выделить две основные причины, обусловливающие резкое ослабление государства накануне и в ходе революции.

Одна причина - глубокий финансовый кризис. Это происходит тогда, когда власть по тем или иным причинам лишается традиционных источников поступлений в бюджет или (и) происходит резкое расширение расходов бюджета. Первое может быть связано с изменениями социального характера, доходы начинают концентрироваться в новых секторах экономики и налоговая система оказывается неспособна адаптироваться к меняющимся условиям. Второе происходит при усилении внешних и внутренних вызовов существующему режиму, значи-

---

[3] Приведенная здесь интерпретация может вызвать ряд возражений как не учитывающая некоторые характеристики, которые принято считать неотъемлемыми чертами всякой революции. Прежде всего это насилие, а также наличие стихийного массового движения и радикальность смены элит. Этот вопрос заслуживает особого рассмотрения, здесь же мы обратим внимания только на два момента. Насилие, безусловно наличествует во всякой революции, однако всегда возникает вопрос: какова мера насилия, "достаточная" для того, чтобы трансформация могла быть определена как революция. Словом, критериальная роль этого момента является весьма ограниченной. Весьма специфичным является и критерий массового неорганизованного движения - его обычно выводят из опыта революций в странах с преобладающим крестьянским населением, потенциал которых в основном исчерпался к началу XX века.

тельном удорожании расходов, являющихся в данную эпоху необходимыми атрибутами сильного государства. (Скажем, таким фактором выступает резкое возрастание стоимости военный расходов - или в форме «удорожания войны», характерное для Европы XVII столетия, или в форме качественно нового витка гонки вооружений в 1970-1980-х годах).

Однако безусловно ослабляющий государство финансовый кризис не делает еще революцию неизбежной. Если власть оказывается способной с ним справиться, то дело как правило ограничивается реформами той или иной глубины.

Другой причиной ослабления государства является такая трансформация социальной структуры предреволюционного общества, при котором власть оказывается неспособной формировать и поддерживать устойчивые коалиции социальных сил в поддержку своего курса - прежде всего курса, нацеленного на преодоление финансового кризиса (причем в данном случае неважно, курса реформистского или реакционного). Мы не будем здесь подробно рассматривать вопрос о причинах возникновения подобной ситуации. Отметим лишь, что ключевым моментом здесь является заметное усложнение социальной структуры, когда происходит размежевание внутри традиционных для данного общества классов и групп интересов, когда на традиционную структуру общества накладываются новые социальные явления и процессы.

В результате такого развития государственная власть теряет ориентиры и опорные точки своей политики. То, что еще недавно приводило к укреплению режима, теперь ослабляет его. Любая попытка расширить свою социальную базу вызывает недовольство большей части общества, поскольку плохо учитывает новые интересы и потребности. Постепенно, но неуклонно, разрушается консенсус относительно базовых ценностей и принципов развития данной страны.

Словом, ослабление власти связано с отсутствием консенсуса по базовым проблемам, ценностям, целям функционирования данного общества. Отсутствие консенсуса как раз и означает, что общество распадается на множество противоборствующих и одновременно пересекающихся группировок (социальных, территориальных, этнических), каждая со своими политическими и экономическими интереса-

ми, причем никакое правительство не способно предложить политический курс, который обеспечивал бы консолидацию и, соответственно, поддержку сколько-нибудь значимого большинства.

Слабость государства проявляется в целом ряде особенностей развития революционного общества - особенностей, достаточно типичных для любых революций, в какую бы эпоху они не совершались. Среди наиболее типичных, универсальных проявлений слабости государственной власти здесь можно выделить следующие:

- постоянные колебания экономического курса. Революционная власть находится в постоянном поиске новых, более эффективных способов и механизмов осуществления своих целей, причем сами эти цели никогда не являются сколько-нибудь четко сформулированными;
- возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. “Двоевластие” - термин, вошедший в отечественную политическую лексику на фоне опыта Февральской революции 1917 года, на самом деле является характерной чертой любой великой революции. Более того, центров власти может быть не два, а больше. Причем предельным, хотя и не единственным типом конкуренции центров власти является гражданская война;
- отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать. В результате функции политических посредников могут выполнять самые разнообразные, стихийно возникающие организации и институты;
- соответственно, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры». Процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Принятые решения далеко не всегда исполняются, а даже когда исполняются, трактуются весьма субъективно. Высказывание Робеспьера о том, что конституцией революции является соотношение социальных сил, оказывается актуальным в любых революционных катаклизмах.

Посмотрим теперь, как перечисленные особенности революционного развития общества применимы к современной России.

Глубокий, системный характер российских преобразований обычно не подвергается сомнению. Здесь возникает необходимость решения сложного комплекса задач, которые редко переплетаются в одной стране в одно и то же время. В ходе социально-экономической трансформации 80-90-х годов практически одновременно приходилось осуществлять коренные изменения в отношениях собственности и проводить соответствующие институциональные преобразования, радикально менять конституционно-политическое устройство страны, трансформировать доставшуюся в наследство от индустриализации структуру народного хозяйства, решать задачи макроэкономической стабилизации.

Каждому из этих элементов можно найти аналогии в современном мире. Латинской Америке приходилось решать задачи стабилизации и политических реформ. Израиль осуществлял стабилизационные мероприятия вместе со структурной трансформацией своей экономики. Китай проводит глубокие структурные реформы и отчасти реформу отношений собственности без решения политических и стабилизационных задач. Понятно, что по комплексности и характеру всех этих проблем ситуация в России ближе всего может быть сопоставлена со странами "посткоммунистического лагеря". Однако и здесь все не так просто.

Россия (и отчасти Украина и Белоруссия, близкие ей по типу трансформации) существенным образом отличаются от других посткоммунистических стран тем, что здесь происходит преодоление социально-экономической системы, порожденной когда-то их собственными особенностями и противоречиями развития, а не навязанной извне. В известном смысле освобождение от коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы, а также и в некоторых республиках бывшего СССР, может быть уподоблено освобождению от внешней оккупации, то есть сродни национально-освободительному движению. Вряд ли

кто-то выразит несогласие с тем, что коммунизм был навязан этим странам и оставался в значительной мере искусственным для них[4].

Наконец, особое значение в этом перечне занимает фактор слабого государства. Он имеет ключевое значение для понимания реальных рамок осуществляемого социально-экономического курса, осознания пределов возможного для власти, оценки реализованного и упущенного. Это тем более важно, что применительно к современной России вывод о слабости государственной власти вызывает существенные сомнения по ряду очевидных причин.

Известно, что власть в СССР отличалась исключительной стабильностью и силой, способностью навязывать свои интересы как собственному народу, так и многим зарубежным странам. В результате общественное мнение страны было склонно скорее переоценивать возможности своего государства, чем недооценивать их. Кроме того, с конституционно-правовой точки зрения Правительство (или, если угодно, "исполнительная вертикаль") не только в СССР, но и в посткоммунистической России, было и остается чрезвычайно мощным, обладая правами, значительно превосходящими полномочия других демократических, а формально - и не только демократических стран[5].

И все-таки государственная власть в России в конце 80 - 90-х годов оставалась и остается слабой. Ниже, в различных разделах книги, бу-

---

[4] Одним из свидетельств в пользу тезиса об искусственности коммунистического режима для стран Центральной и Восточной Европы может быть тот факт, что со снятием угрозы советского вмешательства эти страны достаточно легко восстановили свои конституции докоммунистического периода. То есть был как бы восстановлен естественный процесс, искусственно прерванный несколько десятилетий назад.

[5] Сила и жесткость власти в СССР, устойчивость советской политической системы создали видимость ее незыблемости не только среди отечественных обществоведов (что вполне естественно), но и у значительной части западных аналитиков. Возможность радикальных сдвигов, революционных потрясений большинство исследователей связывали со слаборазвитыми или среднеразвитыми странами Азии и Африки, но никак не с Советским Союзом. Именно так оценивал ситуацию и перспективы ее развития, скажем, S.Hantington, выделяя СССР и США как страны наиболее устойчивого, наиболее стабильного типа (Hantington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1991). Это стало своеобразной методологической традицией, которая в дальнейшем воспроизводилась в работах многочисленных авторов - политологов, экономистов, да и собственно советологов.

дет подробно показано, как по разным направлениям экономической жизни власть постоянно колебалась и отступала, сталкиваясь с более или менее жесткой оппозицией со стороны различных центров силы и групп интересов. Поразивший страну затяжной финансовый кризис (прежде всего связанный с падением мировых цен на нефть, но не только с ним) существенно сузил поле возможного маневра коммунистических властей[6]. На фоне финансового кризиса дало о себе знать усложнение социальной структуры советского общества, все далее уходящего от традиционной индустриальной структуры. Быстро формировались новые группы интересов, возникали противоречия между ними. На естественное для централизованной индустриальной экономики расхождение интересов отдельных отраслей накладывался конфликт между рентабельными и нерентабельными предприятиями, возникавшими уже в рамках одной отрасли. Усиливались расхождения интересов между отдельными союзными республиками и регионами. Назревал конфликт между окрепшей региональной и центральной (союзной) политической элитой. Начались расколы внутри самой номенклатуры как реакция на чрезмерную стабильность кадровой политики 70 - начала 80-х годов, когда движение кадров было практически заморожено. Все это формировало исключительно конфликтную и потенциально малоуправляемую социальную среду.

3. Революционный экономический кризис

Слабость государственной власти оказывает непосредственное и разнообразное влияние на состояние экономики революционной страны. В общем виде это обусловливает возникновение и развитие «революционного экономического кризиса» - устойчивого кризисного состояния экономики, сохраняющегося на протяжении примерно 15 лет и являющегося естественным следствием продолжительного политического кризиса (кризиса власти). Это кризис, сопровождающий глубокую трансформацию общественной системы и находящийся с этой трансформацией в органической двусторонней взаимосвязи.

С одной стороны, логика развития революции подталкивает к принятию неэффективных экономических решений, обусловленных в конеч-

[6] См.: Гайдар Е. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1996. С. 161-173.

ном счете самим фактом слабости государственной власти. Множественность социальных группировок, противоположность их экономических интересов, их возможность непосредственно влиять на власть лишь усиливают неустойчивость проводимого курса, становящуюся самостоятельным фактором экономического кризиса.

С другой стороны, сам экономический кризис постоянно воспроизводит кризис политический. Ни какое правительство оказывается неспособным сформировать опирающийся на консенсус экономико-политический курс и, соответственно, обеспечить консолидацию большинства общественных сил страны. Это не может не дискредитировать власть в глазах общественного мнения и быстро лишает ее поддержки (моральной и политической). Выход из революционного экономического кризиса оказывается, тем самым, особой и весьма сложной политической проблемой.

Исторический опыт позволяет выделить ряд общих черт, характерных для революционного экономического кризиса. Практически все возникающие здесь проблемы в полной мере проявились уже в периоды Английской революции середины XVII века и Французской - конца XVIII века. В последующем в разных странах и при разных обстоятельствах (в России, Мексике, Китае, Иране и т. п.) закономерности революционных экономик продемонстрировали явную схожесть в принципиальных чертах.

Прежде всего революция всегда сопровождается острым финансовым кризисом. Практически все революции начинались с кризиса государственных финансов, который в дальнейшем практически неизбежно приводил к разрушению финансовой системы страны. Финансовый кризис приводил к падению «старого режима», а также в значительной мере предопределял политические конфликты и последовательное падение правительств по ходу развития революции.

Исторический опыт свидетельствует о существовании двух возможных вариантов возникновения и развития финансового кризиса революции.

Один связан с резким возрастанием финансовых потребностей существующей власти и ограничением источников финансирования госрасходов. Типичным примером такого рода развития событий является Англия второй половины 1640 года, когда обострение внутренних

конфликтов потребовало существенного возрастания государственных доходов, которое оказалось невозможным в сложившихся политических обстоятельствах (имеется в виду претензия короны на беспарламентское правление и особенно произвольное введение налогов). Финансовый кризис, как поначалу представляется, имеет краткосрочный характер, однако возможности решения его оказываются ограниченными из-за ограниченности авторитета (легитимности) политического режима. Для решения финансовых проблем правительство ищет новые формы легитимности, пытается опереться на дополнительные источники властного авторитета, что только приводит к размыванию власти, возникновению и упрочению конкурирующих друг с другом центров власти. Полицентризм власти способствует лишь усугублению экономических проблем и началу длительного финансового и экономического кризиса.

Другой вариант связан с постепенным врастанием «старого режима» в финансовый кризис, который уже до начала революции приобретает устойчивый, затяжной характер. Кризис, связанный с неэффективностью существующей политической и хозяйственной системы, приводит к параличу власти, которая, как и в первом случае, пытается найти и задействовать новые источники легитимности, которые оказываются самостоятельными и конкурирующими центрами власти. Далее события развиваются по первому сценарию. Типичным примером подобного развития событий является Французская революция конца XVIII столетия.

Финансовый кризис как кризис государственных доходов приводит, естественно, к резкому и еще большему ослаблению политической власти. Причем не только «старого режима», но и возникающих новых революционных правительств - от умеренных до радикальных, последовательно сменяющих друг друга на протяжении революции. Революционное правительство - это всегда правительство бедное, для которого поиск денег для своего существования играет первостепенную роль.

Потеря финансовой базы связана как правило с двумя факторами. С одной стороны, с резким сужением возможностей государства собирать налоги. Кризис власти, ее делегитимизация рано или поздно (обычно довольно быстро) подрывает способность правительства со-

бирать налоги. "Отказ платить налоги является устойчивой характеристикой революционного периода"[7]. Такое развитие событий может получить идеологическое и даже "научное освящение" - например, декларация об отмене налогов в 1789 году во Франции опиралась на учение физиократов (земля как единственный источник богатства)[8], а разрушение государственных финансов России в 1918-1920 годах интерпретировалось как результат естественного процесса "отмирания денег". Однако какими бы ни были декларируемые мотивы, существо самого факта остается постоянным и сводится к принципиальной неспособности революционной власти получить у страны деньги[9]. И тем более деньги, в достаточном для ее (власти) укрепления количестве.

С другой стороны, революционные потрясения неизбежно связаны со значительными структурными сдвигами в народном хозяйстве. Происходят изменения в структуре спроса, за этим следуют изменения в занятости. Все это сказывается на общей экономической ситуации в стране, причем в краткосрочном плане влияние это является негативным, поскольку в этих условиях разрушаются традиционные источники доходов государства. Старых источников доходов уже нет, новые еще не возникли. Еще более ослабевает власть, еще более обостряется социально-политическая борьба.

Находясь в условиях жестокого кризиса, революционная власть в первую очередь озабочена проблемами своего выживания (а для мно-

---

[7] Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 51.

[8] Широкое признание существовавшей налоговой системы предельно несправедливой обернулось уже в первые месяцы Великой французской революции потерей контроля со стороны центрального правительства за поступлением налогов в казну. В этой ситуации властям ничего не оставалось, как официально закрепить ликвидацию налогов как инструмента “старого режима”. Хотя такое решение соответствовало теоретическим взглядам вождей Национального собрания, по существу шаг этот был вынужденным и в полной мере отражал слабость режима. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что власти среди прочих налогов были вынуждены отказаться от попыток собрать единственный признаваемый справедливым налог - земельный.

[9] Известно, что в бюджетах революционных правительств упомянутых великих революций налоговые поступления составляли мизерную долю, колеблясь от 2 до 15 процентов от общей суммы доходов. (См.: Далин С.А. Инфляция в эпохи социальных революций. М.: Наука, 1983. С. 56; Harris S.E. The Assignats. Cambridge, 1930. P. 51).

гих деятелей революции речь идет о выживании в буквальном, физическом смысле слова) и, при благоприятном развитии событий, упрочения. Отсутствие сложившихся механизмов и рычагов управления, устойчивой политической структуры, сложившейся системы органов власти по вертикали (которую позднее стали называть "исполнительной вертикалью") обусловливают необходимость постоянно изыскивать нетрадиционные способы упрочения своего положения, источники средств для победы над внутренними и внешними врагами.

При всем разнообразии проблем, встающих перед революционным правительством, две из них являются жизненными, ключевыми, по отношению к которым все остальные проблемы занимают явно подчиненное положение. Этими двумя проблемами являются - где взять деньги и как обеспечить коалицию социально-экономических сил (групп интересов), минимально необходимую для удержания у власти. Более того, две названные проблемы являются, строго говоря, взаимодополняемыми. Они очень близки, хотя и не тождественны. Действительно, при наличии денег можно сформировать и проправительственную коалицию. А наличие более или менее устойчивого блока социально-политических сил делает более реалистичной возможность решения финансовых проблем власти[10].

Необходимость решения этих вопросов на практике предопределяет деятельность революционных правительств, принимаемые ими политические решения и практические шаги. Задача сохранения власти доминирует над любыми идеологическими схемами и декларациями, какими бы на поверхности идеологизированными (или "теоретически обоснованными") не выглядели построения и обещания приходящих к власти партий и группировок. Причем все сказанное в полной мере относится и к тем, кого принято считать радикалами, приходящими к власти на определенной ее фазе в любой "великой революции".

---

[10] На самом деле взаимосвязь финансовых и социальных проблем революции не столь проста. Поскольку социальная структура революционного общества является исключительно подвижной, неустойчивой, "социальное поле" революционного правительства также находится в состоянии постоянного изменения. Это означает, что ни финансовые, ни социальные проблемы не могут быть решены сколько-нибудь основательно, устойчиво.

Поскольку революционная власть как правило не в состоянии собрать налоги, поиск "нетрадиционных" источников денег оказывается в центре ее внимания. Таких источников в принципе может быть множество (включая патронируемое государством пиратство и военные действия против соседних стран для получения контрибуций[11]), однако два из них являются основными. Во-первых, использование государственной монополии на чеканку (печатание) денег и, соответственно, инфляционный налог. Во-вторых, манипуляции с собственностью (прежде всего, разумеется, с недвижимостью).

Впрочем, и эти два механизма тесно взаимосвязаны. Первые опыты выпуска бумажных денег (французские ассигнаты) производились под обеспечение земельными ресурсами из государственного (национализированного) фонда. И, напротив, свидетельства на получение в будущем конфискованных земельных наделов в Англии 1650-х годов использовались как средство платежа солдатам революционной армии.

Инфляционный механизм финансирования революции впервые был опробован в массовом масштабе во Франции в 1790-х годах. Здесь неспособность собирать налоги привела к тому, что выпуск бумажных денег (ассигнатов) стал важнейшим источником финансирования нового режима. Ассигнаты выпускались под обеспечение недвижимости - земельных ресурсов (церковных, затем королевских и конфискованных у аристократии), подлежавших распределению среди революционных масс. Первоначально ассигнаты рассматривались как свидетельство государственного долга и должны были использоваться для покупки недвижимости у государства. Однако по мере нарастания финансового кризиса революционные правительства все более активно использовали их в роли бумажных денег.

Инфляционное финансирование государственных расходов повлекло за собой стандартную цепочку экономических последствий. Увеличение предложения бумажных денег вызвало быстрый рост цен и вытеснение из обращения металла. Правительство ответило на это введением принудительного курса, в результате чего торговцы стали отказываться принимать бумажные деньги вообще и требовали металлические. Тогда правительство приняло решение о государственном

[11] Далин С.А. Инфляция в эпохи социальных революций. М. Наука, 1983, С. 41-43.

регулировании цен (установление “максимума”) и запрете использования металлических денег, что должно было также поддержать курс ассигната.

Последствия вновь оказались стандартными - с прилавков исчезли товары, страна (и прежде всего города) столкнулась с угрозой голода. Смертная казнь за припрятывание продуктов питания была подкреплена запретом на вывоз потребительских товаров и введением фактической государственной монополии на ввоз продовольствия. Однако и это не решало проблем, поскольку внутреннее производство продуктов под воздействием законов о “максимуме” катастрофически падало.

Понятно, что все эти жесткие меры не могли обеспечить реальную экономическую устойчивость не только по причине слабости государственной власти, неспособной проводить свои решения в жизнь. Эти решения противоречили естественным экономическим интересам и уже в силу этого ставили в двусмысленное положение буквально всех - от торговцев до правительства.

Аналогично развивались события и в России в 1918-1920 годах. Если во Франции идеологическое оправдание разрушения финансовой системы было связано с тезисом о несправедливости налогов, то в большевистской России высокая инфляция рассматривалась многими как путь к достижению конечной цели - безденежному коммунистическому хозяйству. Все остальное было схоже с Францией: реквизиции продовольствия, госрегулирование распределения продуктов питания, преследование спекулянтов и... решающая их роль в снабжении городов[12].

Опыт революционных Франции и России достаточно убедительно показал, что попытки властей компенсировать свою слабость (и бедность) демонстрацией жесткости и принятием на себя дополнительных полномочий, особенно в экономической сфере, приводит в лучшем случае к курьезам, в худшем - к катастрофическим последствиям.

[12] Это признавал в 1919 году даже В.И.Ленин. А В.А.Базаров, находившийся тогда в оппозиции, сделал парадоксальный на первый взгляд вывод, что именно мешочники и спекулянты являются подлинной социальной базой большевистского режима, поскольку именно в этих условиях дела их идут в гору. (См.: Базаров В. Последний съезд большевиков и задачи "текущего момента". Мысль, 1919. N 10. С. 356).

Власть попадает в ловушку: усиление централизации принятия решений ведет к хаосу, а отказ от жесткого регулирования может быть воспринят как опасное проявление слабости. В результате возникает ситуация, ярко сформулированная одним из депутатов французского Конвента 1795 года: "Если уничтожить Максимум, то все, действительно, резко подорожает; но если сохранить его, то покупать будет уже нечего"[13].

Несмотря на катастрофические экономические последствия такого экономического курса, политические последствия его были вполне удовлетворительные - революционные режимы смогли окрепнуть, что со временем позволило отказаться от инфляционных методов финансирования. Однако для этого политический режим должен будет стать достаточно сильным, чтобы иметь возможность отказаться от популистских решений, обеспечивающих решение сиюминутных проблем, проблем элементарного выживания.

Другим механизмом, обеспечивающим выживание слабой революционной власти, являются манипуляции с недвижимостью. Всякая революция имеет общую идеологическую парадигму, ориентирующую на трансформацию отношений собственности в определенном направлении. Однако целевая модель задает лишь общие рамки проводимых здесь преобразований. Конкретные же действия революционного правительства детерминируются совершенно иными факторами - факторами политической целесообразности вкупе с элементами коррупции.

Впервые в истории нового времени эти механизмы были использованы в революционной Англии. Ограниченные в финансовых ресурсах и ищущие политической поддержки правительства Долгого парламента, а затем Кромвеля, решили использовать в своих интересах земельные владения, принадлежавшие ирландским повстанцам, роялистам, церкви и короне. Частично это было сделано путем прямой продажи земель за деньги, отчасти (где это было невозможно немедленно) - путем выпуска ценных бумаг, дающих право на приобретение собственности в будущем.

---

[13] Цит. по: Aftalion F. The French Revolution: an Economic Interpretation, Cambridge, Cambridge University, 1990, P. 167.

Как показывают современные исследования, первый вариант стал откровенным способом покупки политических союзников и обслуживания интересов предпринимательских групп, обеспечивавших революционным властям финансовую и социальную базу. Первичными покупателями конфискованных земель стали финансировавшие правительство лондонские купцы, обеспечивавшее парламентскую армию силой местное дворянство, депутаты и чиновники парламента, генералы революционной армии[14]. То есть продажа земель осуществлялась в интересах лондонской политической элиты, ее финансовых и политических союзников.

Особенностью французских событий конца XVIII столетия стало наличие более жестко выраженного конфликта между финансовыми и социальными целями распродажи земель. С одной стороны, острый финансовый кризис подталкивал к необходимости продавать земли как можно дороже. С другой стороны, необходимость обеспечения поддержки крестьянства толкала революционную власть на ускорение продаж и удешевление земли. Дискуссии на эту тему велись практически с самого начала революции. Сначала, в условиях всеобщего энтузиазма и популярности нового режима, условия продажи недвижимости были сформулированы с акцентом на финансовые результаты - было решено продавать землю крупными участками, с весьма ограниченным периодом рассрочки и при максимальной уплате “живыми деньгами”.

Однако обострение социальной борьбы, череда политических кризисов, начало войны и “открытие” правительством механизма инфляционного финансирования обусловили ослабление внимания к фискальной компоненте земельных продаж. На первый план вышли социально-политические проблемы: были приняты решения о поощрении приобретения земель мелкими собственниками, о резком увеличении периодов рассрочки (что с учетом инфляции делало распределение

[14] См.: Thirsk J. The Sales of Royalist Land during the Interregnum // The Economic History Review. Vol. 5. 1952. N 2; Архангельский С.И. Распродаж земельных владений сторонников короля // Известия Академии наук СССР. 7 серия (Отделение общественных наук). 1933. N 5.

земли близким к бесплатному), об усилении роли ассигнатов в процессе передачи собственности от государства в частные руки.

Впрочем, как отмечают историки французской революции, и здесь аргументы социальной целесообразности естественным образом переплетались с личными интересами представителей революционной власти, и особенно депутатского корпуса. Поместья и дома в провинции продавались за чеки ("территориальные мандаты") по цене, в десятки раз ниже их дореволюционной стоимости, причем за сделками нередко прослеживались интересы депутатов и чиновников[15].

Наконец, в условиях большевистской (да и мексиканской) революции именно социально-политический аспект трансформации собственности приобрел решающее значение. Национализация проводилась в целях выживания революционного режима - сперва для обеспечения поддержки со стороны миллионов крестьян, а затем, в промышленности, для концентрации сил и средств в гражданской войне. Достаточно известным является тот факт, что немедленная национализация не была программным требованием большевиков и не рассматривалась в качестве краткосрочной меры экономической политики еще накануне революции. Однако складывавшиеся обстоятельства политической борьбы подтолкнули на реализацию комплекса соответствующих мероприятий, которые, к тому же, соответствовали общим идеологическим настроениям эпохи вообще и коммунистической идеологии в частности.

Революционная трансформация собственности имеет ряд общих черт и последствий. Прежде всего, реализация собственности всегда дает гораздо меньший фискальный эффект, чем от нее ожидают. И дело здесь не только в конфликте между фискальной и социальной функциями этого процесса, в результате чего стоимость сделки на определенной (радикальной) фазе революции всегда приносится в жертву ее темпу, а фискальный результат - политическому. Проблема состоит также и в том, что при оценке фискальных перспектив продажи недвижимости расчет всегда основывается на дореволюционной, то есть как правило

[15] Aftalion F. The French Revolution: an Economic Interpretation, Cambridge, Cambridge University, 1990, P. 174-175.

значительно более высокой ее стоимости. В революционных же условиях эта цена оказывается значительно ниже.

Во-первых, дает о себе знать политическая неопределенность. Вероятность поражения революции сохраняется и, следовательно, сохраняется вероятность пересмотра результатов сделок с недвижимостью. Соответственно, возникает плата за риск, которая ложится на плечи государства.

Во-вторых, сам по себе факт массированных (и в этом смысле как бы навязываемых обществу) распродаж ведет к занижению цены. Потребность государства продать недвижимость определенным образом воздействует на потенциального покупателя, который оказывается в более выгодном по отношению к продавцу положении. Разумеется, удлинение сроков реализации госимущества, постепенность продаж могли бы дать в совокупность больший фискальный эффект, но для власти, решающей задачи своего выживания, реальный временной горизонт исключительно узок.

В-третьих, механизм выпуска ценных бумаг под недвижимость сам является средством занижения цены недвижимости. Испытывающее финансовые трудности государство не может удержаться от избыточной эмиссии этих бумаг, а получающие их граждане часто склонны к их быстрой реализации со значительным дисконтом (что совершенно естественно в условиях революционной политической неопределенности).

Все это обусловливает еще одну специфическую черту перераспределения собственности в условиях революции. Недвижимость продается не только дешево, но в значительной мере попадает в руки спекулянтов и используется в дальнейшем для перепродажи. Разница в ценах попадает, естественно, отнюдь не в руки государства.

Как свидетельствует опыт ряда революций, значительная часть недвижимости может оставаться в руках старой политической элиты, которая находит возможность откупиться от новой власти. Это особенно характерно для революций, в которых политическая компонента доминирует над социальной и, соответственно, финансовые вопросы для революционной власти не заслоняются в полной мере политическими.

Англия XVII столетия является в этом отношении наиболее типичным примером[16].

Какими бы острыми не были политические дебаты, какими бы своеобразными ни были идеологические построения участников революционной борьбы, социально-экономический и политический облик выходящей из революции страны предопределяется в конечном счете именно тем, как в ходе революции решались ее финансовые проблемы и какие удавалось создавать социальные коалиции. Именно от этого зависит характер послереволюционного развития страны, в том числе и экономического. Ведь именно здесь складывается новая структура собственности, формируется новая конфигурация групп интересов, определяется положение государства по отношению к этим группам. А над этим надстраивается и соответствующий политический режим.

Финансовый кризис, преследующий революцию на всем ее протяжении, на определенных этапах принимает формы острого бюджетного кризиса, который сопровождается новым витком ухудшения положения основных масс населения. Причем как правило это происходит на завершающей фазе революции, когда происходит консолидация политического режима и появляются признаки общего экономического выздоровления. Это кажется парадоксальным: революционный кризис идет на спад, экономика стабилизируется, а бюджетные проблемы власти резко обостряются. Однако такое развитие событий является вполне объяснимым.

На протяжении большей части революционного процесса революционные правительства прибегают к экстраординарным мерам укрепления своего положения и нового режима. К мерам, которые обеспечивают решение краткосрочных политических задач, а потому неизбежно популистских и временных. По мере исчерпания революционного потенциала нации происходит постепенная консолидация правящей эли-

---

[16] Arendt H. On Revolution. London: Penguin Books, 1990.P. 63-68; Thirsk J. The Sales of Royalist Land during the Interregnum. P. 207. Впрочем, как показывают современные исследования, масштабы перераспределения собственности от старой элиты к новой в годы Великой Французской революции также не следует преувеличивать. (См.: Cobban A. History of Modern France. Vol. 2. Baltimore: Penguin, 1957. P. 26; Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley: University of California Press, 1991. P. 296).

ты, которая укрепляет свои позиции и получает более широкое поле для маневра. Постепенно консолидирующаяся власть находит в себе силы к принятию болезненных, непопулярных, но необходимых для финансово-экономического оздоровления мер.

По сути это означает возвращение к нормальной экономической политике, без революционных эксцессов и чрезвычайщины. По форме это выражается в стремлении правительства жить по средствам и обеспечить устойчивость финансовой системы страны. В результате характерной чертой последней фазы революции является депрессивное состояние производства и недофинансирование отраслей бюджетной сферы. Причем чем активнее революционными правительствами использовались инфляционные механизмы финансирования, тем острее следующий за ним бюджетный кризис.

Можно сказать иначе. Позднереволюционное обострение экономических проблем вообще и бюджетного кризиса в частности связано со своеобразным положением консолидирующейся элиты и восстанавливающей свои силы политической власти. Власть уже оказывается достаточно сильна, чтобы не заигрывать с различными социальными силами и не идти на экстравагантные популистские меры. Но она (власть) еще достаточно слаба и бедна, чтобы решить весь комплекс стоящих перед ней задач.

Депрессия в Англии в середине 1650-х годов во многом стала фактором, который привел страну к реставрации. Однако ограниченность инфляционных источников финансирования, с одной стороны, и относительная неразвитость еще бюджетной сферы, с другой стороны, способствовали относительной мягкости бюджетного кризиса времен Протектората. Основной проблемой для правительства была вышедшая из революции армия, необходимость финансирования которой во многом и предопределила склонность Кромвеля к ведению войн на континенте.

Преодоление революционных последствий во Франции было гораздо более болезненным с макроэкономической точки зрения. Одним из первых шагов, сделанных с началом укрепления политической власти, стало оздоровление государственных финансов путем волевого отказа от значительной части (двух третей) внутреннего долга. Спад револю-

ционной волны сделал такое решение возможным, а обострение экономического кризиса - необходимым. За этим последовало дальнейшее ужесточение бюджетной политики в период консулата. Хотя многие финансовые проблемы удавалось решать с помощью победоносных войн, бюджетная сфера на провинциальном уровне долгие годы продолжала пребывать в глубоком кризисе.

Схожей была ситуация и в России в 1920-х годах. Послевоенная экономика требовала отказа от популизма, обеспечения финансовой стабильности, что и дал поначалу нэп. Однако его не хватило для решения задач политического укрепления новой власти, требовавшего безудержной индустриальной экспансии. В результате экономико-политические трудности, с которыми столкнулась страна в 1926-1927 годах, обусловили резкий слом политического курса, поворот к ускоренной индустриализации за счет ресурсов деревни.

Стабилизация экономических процессов и выход страны из революции происходят только при стабилизации государственной власти и по мере ее укрепления. Государство должно быть сильным настолько, чтобы преодолеть характерное для предреволюционного и революционного этапа глубокое расхождение интересов отдельных социальных слоев и групп. В истории это всегда обусловливало формирование жесткого (авторитарного) режима.

Укрепление власти, в свою очередь, предполагает формирование и упрочение позиций новой элиты, которая, как правило, является генетически связанной со старой, нередко выходит из нее, но ее экономические и политические характеристики являются уже существенно иными, как и характер собственности, которой она обладает.

4. Революционная трансформация в современной России

Нетрудно увидеть, что изложенные выше общие соображения и выводы, вытекающие из исторического опыта революционных трансформаций, применимы к анализу посткоммунистического развития России. Здесь нам, правда, важно подчеркнуть, что существование исторических параллелей ни в какой мере не может стать источником прямолинейных практических выводов относительно проблем и перспектив социально-экономического развития дру-

гих стран. Исторический опыт служит лишь источником лучшего понимания и иллюстрации проблем, с которыми приходится сталкиваться в другие эпохи.

В дальнейшем, в различных главах этой книги будут рассмотрены разнообразные проблемы - как более общие, так и более конкретные - посткоммунистической трансформации России. Они не будут опираться на исторические аналогии, в них не будет идти речь о революции. В них будет вестись самостоятельный анализ возникающих проблем и применявшихся для их решения инструментов экономической политики. Однако практически во всех этих главах и разделах читателю так или иначе придется сталкиваться с проблемой слабости государства, поскольку именно этот фактор предопределял возможности и ограничения, накладывавшиеся на осуществление любых реформ и преобразований. Поэтому нам здесь представляется целесообразным специально подчеркнуть некоторые моменты, идущие от революционного характера этой трансформации и предопределявшие многое в развитии российской экономики последнего десятилетия.

Угроза финансового кризиса создала общий фон для начала преобразования позднесоветской экономики. Разумеется, в середине 80-х годов СССР еще не столкнулся с полномасштабным финансовым кризисом. Ситуация казалась стабильной и спокойной. Среди советских экономистов, как и среди западных советологов, достаточно распространено было понимание необходимости экономических реформ, однако никто не сомневался, что эти реформы будут (если будут) только очень медленными, половинчатыми, да и вообще само их начало зависит от выбора приходящей к власти правящей группировки[17]. Однако начавшееся падение цен на мировых рынках нефти стало, как вскоре выяснилось, фатальным фактором для финансовой[18], а потому и политической стабильности СССР.

---

[17] Bialer S., Thane G. (eds.). Russia at the Crossroads: The 26th Congress of the CPSU. London: George Allen & Unwin, 1982; Colton T. The Dilemmas of Reform in the Soviet Union. N.Y.: Council for Foreign Relations, 1986.

[18] Именно в 1985 году впервые за длительный (в несколько десятилетий) период времени в СССР обозначился и стал нарастать дефицит государственного бюджета. (См.: Синельников С. Бюджетный кризис в России: 1985-1995 годы. М.: Евразия, 1995. С. 9.

Попытки адаптироваться к новым вызовам времени привели лишь к ухудшению финансовой ситуации, за чем последовал экономический кризис и политический крах. Финансовый кризис стал устойчивым фактором позднесоветского развития и затем посткоммунистической трансформации страны, на фоне которого развиваются основные социальные, политические и экономические события. И преодоление этого кризиса фактически означает преодоление революционного периода в истории современной России.

Слабеющее государство все более открыто прибегало к финансированию своих расходов за счет денежной эмиссии, что вначале (в условиях госрегулирования цен) оборачивалось нарастанием товарного дефицита вплоть до полного исчезновения товаров из магазинов в 1990-1991 годах, а затем привело к длительному периоду высокой инфляции на протяжении 1992-1995 годов.

Именно в финансовой (бюджетно-денежной) сфере проявлялась в наибольшей мере слабость российского государства. Невозможность жесткого контроля групп интересов, с одной стороны, и неспособность собирать налоги (что всегда требует государственного насилия), с другой стороны, обусловливало неспособность власти проводить жесткую денежную политику. Макроэкономическая стабилизация откладывалась и по сути стала возможной только тогда, когда в обществе укрепились политические позиции экономических агентов (групп интересов), способных эффективно функционировать в условиях медленного роста цен.

Вместе с тем, ужесточение кредитно-денежной политики и торможение инфляции при сохранении значительной слабости государственной власти обусловило резкое обострение бюджетного кризиса - кризиса доходов, а на этой почве и расходов государства. Быстрое нарастание задолженности бюджета перед финансируемыми государством секторами стало ключевой проблемой российской экономики после подавления инфляции. Сложилась достаточно типичная ситуация: власть была уже достаточно сильна, чтобы перестать использовать эмиссию необеспеченных денег и тем самым остановить рост цен, но она была еще недостаточно сильная, чтобы отказаться от своих обязательств, выполнить которые она была не в состоянии. Укрепление власти и борьба за реальность ее обязательств перед страной стало, таким образом, ключевой политической (а отнюдь не только экономической) проблемой России конца 90-х годов. Более того, можно сказать, что именно оздоровление бюджета приобретало в этих условиях политический характер, будучи критерием консолидации власти и выхода страны из революции.

Как это и было в историях других революций, проблема собственности являлась одной из центральных, в ней концентрировались и переплетались одновременно вопросы экономического, социально-политического и финансового характера. С самого начала радикальной трансформации российского (советского) общества от приватизации ожидали, что задействовав механизм частнопредпринимательского интереса, она сможет обеспечить резкое повышение эффективности отечественной экономики, преодоления разрыва с индустриальной развитыми странами мира.

В принципе, такая роль приватизации никогда не отрицалась и не подвергалась сомнению. Однако реальное развитие событий оказалось существенно иным. Если рассуждать вне исторического и политического контекста, то такое развитие событий может вызвать разочарование. Однако понимание российской трансформации как процесса революционного привносит в этот анализ существенные уточнения.

Действительно, помимо своей социально-экономической функции (формирование эффективного собственника) приватизация может решать и другие, не менее важные с точки зрения революционного процесса задачи, о которых у нас уже выше шла речь - формирование политических коалиций в поддержку революционной власти и пополнение государственного бюджета. Более того, пока государственная власть остается слабой, решение этих двух задач находятся на первом плане. Соответственно, формирование эффективного собственника становится актуальным только после преодоления политического кризиса. (Этот тезис может быть пояснен и несколько по-другому - не с точки зрения интересов власти, а интересов собственника: пока политическая ситуация не стабилизируется и власть не окрепнет, серьезные предприниматели не станут вкладывать свои средства, а значит не будет и эффективного собственника).

Из всего сказанного становится ясно, почему на первых этапах приватизации решались преимущественно задачи укрепления социально-политической базы рыночной демократии в России. Ваучерный механизм не был и не мог быть эффективным, что признавали сами реформаторы. Однако этот был тот механизм, который в краткосрочном плане обеспечивал поддержку власти, а в среднесрочном способствовал формированию нового класса собственников, заинтересованных в устойчивости новой российской экономики. Именно это дало возможность сформировать антикоммунистическую и антиинфляцион-

ную коалицию, которая обеспечила решение первичных задач макроэкономической и политической стабилизации.

В середине 90-х годов, по мере укрепления новой власти и, одновременно, обострения бюджетного кризиса (а, как было показано выше, бюджетный кризис на завершающей фазе революции является признаком укрепления нового режима), акценты в приватизации были перенесены в фискальную область. Правительству, лишившемуся инфляционного налога, нужны были деньги, и приватизация могла стать их важным источником. Такое изменение ситуации дестабилизировало сложившуюся ранее коалицию, ожидавшую от власти продолжения курса на “стратегическое партнерство”. Но правительство почувствовало себя уже достаточно сильным, чтобы противостоять новым группам интересов, и это стало источником нового обострения политической борьбы на протяжении 1997-1998 годов. Именно в ходе этой борьбы и происходит формирование политических условий для перехода к следующей фазе развития - выходу из революции, политической стабилизации и формированию эффективного собственника.

Однако есть еще одна проблема российской революционной трансформации, требующая специального прояснения, - глубокий экономический спад. Сокращение производства было характерно практически для всех революций прошлого. Это было связано как с существенными изменениями структуры спроса, происходящими в результате социальных сдвигов, так и с военными действиями, как правило сопровождавшими это революции.

Глубина спада была впрочем, весьма различной применительно к разным революциям. Но и здесь наблюдается некоторая закономерность. Судя по данным исторической статистики, глубина спада нарастает по мере приближения революций к нашему времени. То есть глубина его была минимальной для революций XVII-XVIII веков (Англия, Франция), и гораздо сильнее - в начале XX столетия (Россия, Мексика). Очевидно, что такого рода различия связаны в первую очередь с естественным усложнением экономической системы от века к веку.

Действительно, общество с доминированием примитивного аграрного хозяйства мало зависит от общей экономической конъюнктуры, от динамики спроса, от устойчивости технической базы производства. Городское хозяйство более чувствительно к политической нестабильности, и оно-то более всего и страдало от революционных потрясений XVII-XVIII веков - от нарушения

хозяйственных связей в условиях гражданской войны, от изменения спроса на продукцию ремесленников. Однако оно занимало небольшую долю в национальной экономике и потому слабо влияло на общую ситуацию в стране[19].

Революции начала XX века происходили в более развитых экономиках. В результате гражданские войны приводили к значительному спаду производства, прежде всего промышленного, страдавшего от войн и разрывов хозяйственных связей. В разгар революции и гражданской войны спад производства в России и Мексике составлял по отдельным отраслям 50-80 процентов. (В то же время, уровень производства оставался на практически неизменном уровне в тех отраслях, которые пользовались спросом на внешнем рынке - скажем, нефтяная промышленность в Мексике)[20]. Однако при прекращении военных действий и консолидации политической власти происходило быстрое восстановление дореволюционного уровня производства, поскольку речь шла именно о восстановлении - ввод в производство старых производственных мощностей, для чего требовались не столько инвестиции, сколько политическая стабильность и спрос[21].

С этой точки зрения, современная ситуация в России является существенно иной. Общий высокий уровень производства, его сложность делают экономику особенно чувствительной к политическим неурядицам. Но не это даже является сейчас главным. Основная проблема состоит в необходимости глубокой структурной перестройки экономики, сформировавшейся в Советском Союзе в результате индустриализации и по существу своему не изменившейся к 80-м годам. Иными словами, охвативший посткоммунистическую

---

[19] James M. Social Problems and Policy During the Puritan Revolution 1640-1660. London: George Routledge, 1930. P. 75.

[20] The Cambridge History of Latin America. Vol. V. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 86; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917-1927. М.-Л., 1928. С. 244-247.

[21] В советской экономической литературе 20-х годов были проанализированы “закономерности послевоенного становления народного хозяйства”. (См.: Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2; Базаров В. О “восстановительных процессах” вообще и об “эмиссионных возможностях” в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1). Здесь было показано, как и почему более разрушенные отрасли восстанавливаются более быстрым темпом и как к концу определенного периода в народном хозяйстве восстанавливается дореволюционное равновесие.

Россию кризис производства был связан с задачами преодоления узких рамок индустриализма и необходимостью решения задач постиндустриального развития[22]. В этом - существенная специфическая черта революционной трансформации современной России.

* * *

Подводя итоги сказанному, отметим лишь, что логика системных трансформаций, причины того или иного развития событий должны рассматриваться применительно к каждому конкретному случаю по отдельности, безотносительно к определяемой аналогиями схеме. Однако сама характеристика эпохи как революционной дает исследователю методологический ключ, использование которого может быть полезно в анализе.

[22] На связь экономического кризиса в России 90-х годов с задачами глобальной структурной реконструкции российской экономики обращают внимание некоторые современные исследователи. (См., например: Rosser J.B., Rosser M.V. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collapse of Soviet-Bloc Socialism // Review of Political Economy. 1997. Vol. 9. N 2. P. 211-212, 220).